

В ресторане Акрополис Дайнер, вероятно, подают не самый лучший завтрак в Индианаполисе, но официантки — милые и дружелюбные, кофе отличный, и это всего в восьми кварталах от моей квартиры, прямо по дороге на работу.

Примерно за год до этого я обнаружил, что Эми, моя бывшая жена, больше была заинтересована в члене нашего соседа, чем в замужестве за мной. На самом деле, казалось, ей хотелось и того, и другого; она была очень расстроена, когда я оторвал ее от члена Стюарта, ударил его в челюсть, собрал сумку и вышел из дома. Примерно четыре месяца спустя мы развелись, несмотря на все ее попытки сказать мне, что «это ничего не значило... я был единственным мужчиной, которого она любила... ей просто стало немного скучно...» и т. д. Ожесточенный тем, что меня предала та, кого я действительно любил, я пришел в ярость и как-то несколько раз переспал с другими, после чего понял, что проблема ее измены заключалась в ней, а не чем-то не тем во мне... оказалось, что я не так уж по ней скучал. Но я привык, что кто-то другой готовит мне хороший горячий завтрак, поэтому «Акрополис» стал ежедневной частью моего утреннего распорядка перед работой.

Я бы ел свой ежедневный холестерин и пил кофе, читал спортивные страницы и обзоры в «Стар», и немного флиртовал с Айрис и Дебби, двумя утренними официантками. Они обе были симпатичными, обе замужем и охотно флиртовали в ответ. Мы все знали, что это ничего не значит.

Однажды утром мое размышление о бедах красных, команды, за которую я болел вопреки здравому смыслу еще с детства в Цинциннати, было прервано приглушенным, но напряженным разговором из кабинета позади меня. Одна женщина казалась очень расстроенной, а ее подруга пыталась ее подбодрить.

— Ты просто не знаешь, на что это похоже, Кэти. — Ее голос казался сдавленным, как будто она вот-вот заплачет. — Вереницы парней, думающих, что я — всего лишь пизда, даже не человек. Ко мне клеятся пятьдесят раз в день, и я — самый одинокий человек в Индиане.

— Да ладно, Томми, все не так уж и плохо. У тебя было больше парней, чем у всех остальных моих подруг вместе взятых! И некоторые, кстати, весьма симпатичные... что насчет того парня, Скотта? Он настоящий здоровяк, и он точно запал на тебя, когда мы вышли поужинать.

— Этот ублюдок?! Знаешь, что он сделал? Он был таким любезным со мной, таким любящий и милым... пока не уложил меня в постель. А потом, все чего он хотел, — это трахать меня днем и ночью. Хотел ли он со мной выйти? Посмотреть кино, прогуляться в парке? Нет, он хотел наклонить меня над своим кухонным столом! — Голос женщины был горьким и злым. Он любил грязно говорить со мной: «детка, у тебя самые лучшие сиськи и самая горячая киска, которую я когда-либо видел», «я мог бы трахать тебя вечно», вот такое дерьмо. Не «ты — милая, и я люблю тебя».

Кэти сказала:

— Ох, Томми, я не знала, что это так...

— А потом однажды вечером он привел двух друзей. Он пришел на хороший ужин в мою квартиру, и мы должны были пойти в кино, потому что я на этом настояла. И тут он входит с этими двумя своими придурками приятелями и хочет, чтобы мы вчетвером сделали это

вместе на моей кровати. «Дорогая, я сказал Джиму и Энди, какая ты горячая, и они хотели бы тебя трахнуть».

Ее подруга с минуту сидела молча, вероятно, потрясенная. Лично я был. Затем тихо сказала: — Боже, Томми, это ужасно. Что ты сделала?

— Я выбросила всех троих из своей квартиры, и два часа лежала и плакала. И, разумеется, я бросала трубку каждый раз, когда Скотт звонил в течение следующих двух недель. ГОВНЮК! Она поплакала пару минут, прежде чем снова заговорить:

— Всегда было так же, Кэти... со времен старшей школы. Парни думают, что я — страстная, но все, чего они хотят, это трахнуть меня. Никто никогда не тратит ни минуты, чтобы относиться ко мне как к человеку. Ты не представляешь, как тебе повезло с Эриком. Он любит тебя И твоё тело, — она коротко рассмеялась, — даже через шесть лет. Я так вам завидую, ребята.

Я с увлечением слушал этот разговор, идущий прямо у меня за спиной. Все мысли о бейсболе были забыты. Излишне говорить, что мне никогда не приходило в голову, что для женщины может быть проклятием выглядеть невероятно сексуальной.

Через пару минут я услышал, как Томми сказала:

— Схожу, умоюсь, а потом пойдем, хорошо? Я должно быть выгляжу неприглядно. — А потом она вышла из кабинета позади меня и пошла по проходу мимо меня в комнату «Ж».

Со спины она выглядела привлекательно, но не необычно. Среднего роста, светлые волосы чуть ниже плеч, красивая фигура в повседневном летнем платье, доходившем почти до колен. Я вернулся к газете, только чтобы через пару минут снова взглянуть на нее, услышав звук шагов ее возвращения к своему столику.

Она была завораживающей. На самом деле. Ее вид возбудил меня так, как никогда раньше в моей жизни. Томми была очень хорошенькой, но не супермоделью. Как сказали бы некоторые из моих друзей, на 8 или 8, 5, но не 10. У нее была прекрасная грудь среднего размера, но конечно, не тело из Плейбоя.

Но каким-то образом, я не могу объяснить каким, она оказалась самой сексуальной и самой желанной женщиной, которую я когда-либо видел. В мгновение ока я представил, как она лежит на моем столе, а я зарываюсь головой между ее бедер, или как укладываю ее прямо здесь, в проходе, и трахаю, как переворачиваю ее на четвереньки...

Но через мгновение я испытал неловкость, и мне стало стыдно. Я отреагировал точно так же, как, очевидно, реагировали на нее все мужчины, на которых она жаловалась. Я заставил себя снова взглянуть в свою газету, боясь, что она прочтает на моем лице очевидное желание, и уже не поднимал глаз, пока она не прошла мимо. Через пару минут они с подругой оплатили счет и вышли из закуской.

Я думал о Томми всю дорогу до работы и несколько раз в течение дня. О том, как я отреагировал на ее вид. По правде говоря, мне было немного стыдно, потому что было ясно, что все мужчины в ее жизни были засранцами, и если бы была возможность, то я, вероятно, поступил бы точно так же. Обращался с ней как с куском мяса, как с потенциальным сексуальным объектом.

И это особенно беспокоило меня, потому что я слышал, как она со слезами на глазах описывала, насколько несчастной ее сделала эта разновидность мужского внимания. У меня оставалось неприятное ощущение, что большинство мужчин — придурки, и мне было интересно, относится ли это ко мне?

Через пару недель я почти забыл о Томми, хотя и поклялся себе более уважительно относиться к женщинам, с которыми встречался. И у меня был шанс выполнить свою клятву, потому что примерно четыре месяца спустя я встретился с ней лицом к лицу.

Я сидел за своим столом в Министра Бизнес Системс, где являюсь главным специалистом по обслуживанию ИТ, когда по коридору прошла Ирен Симмонс и представила новую сотрудницу. Она останавливалась у каждой кабинки и говорила:

— Томми Паркер, это — Хэнк Олсон, наш маркетинговый бла-бла, — и прежде чем она подошла ко мне ближе чем на пятнадцать метров, я увидел невероятно сексуальную блондинку из закусочной «Акрополис».

Так что, у меня была пара минут, чтобы подготовиться. Когда Ирэн подошла к моей кабинке, я встал и сердечно поприветствовал Томми рукопожатием и теплой улыбкой, стараясь не опускать взгляд ниже ее лица.

— Добро пожаловать, — сказал я. — Министра — действительно отличное место для работы, надеюсь, вам здесь будет хорошо.

— Спасибо, — сказала она, улыбаясь мне в ответ. Она казалась немного застенчивой. Ирен сказала:

— Томми станет помощницей Бена по административным вопросам в отделе продаж.

— О, тебе понравится работать на Бена, — сказал я. — Он — замечательный парень. Хорошо, что тебя не будет в офисе Ирэн... слушай, она невозможна! Знаешь почему? Я могу рассказать тебе несколько историй...

Ирэн усмехнулась и легонько толкнула меня в плечо. Я взглянул на Томми и с облегчением увидел, что она поняла, что я шучу. Я сделал еще один краткий комментарий о том, что если ей понадобится помощь по ИТ, звонить нужно именно мне, а затем попрощался и повернулся к своему столу. Я изо всех сил старался быть теплым, гостеприимным и безопасным.

К моему удовольствию, я услышал, как Ирэн сказала Томми, когда они шли по коридору:

— Джек — такой шутник, но на самом деле — отличный парень.

Я плюхнулся на стул и глубоко вздохнул. Встреча с Томми произвела на меня такое же впечатление, как и в первый раз. Она была ТАК сексуальна, что я не мог рационально это объяснить. Если бы она вернулась в холл и прошептала: «Уходи с работы прямо сейчас, я отвезу тебя домой и я заставлю тебя рыдать», я стал бы безработным примерно через пять секунд.

Но я тут же вспомнил подслушанный разговор, абсолютное страдание Томми от того, что ее рассматривают не более чем как сексуальный объект, и был полон решимости показать ей, что я — парень другого типа. Возможно, я никогда не стану кем-то, кроме случайного друга, но собирался попытаться быть самым добрым и самым безопасным другом, каким только мог быть.

Офис Бена находился на другом конце этажа от моего, поэтому я больше не видел Томми ни в тот день, ни в следующий. Я дождался ее третьего дня на работе, полагая, что к тому времени она будет чувствовать себя немного менее подавленной, и около 11:00 спустился к столу помощника Бена.

— Привет, ты ведь Томми, верно? — спросил я, как будто не совсем помнил ее имя. — Я — Джек, из ИТ. Как дела?

Ее улыбка была дружелюбной, но настороженной, и я почти слышал ее мысли. Но мы довольно дружелюбно поболтали с минуту или две.

Потом я сказал:

— Есть очень хорошее место, где можно, если захочешь, пообедать, под названием Армандос Овер на Флетчер-авеню, всего в паре кварталов отсюда.

Я увидел, как ее настороженный взгляд стал глубже, а брови начали сдвигаться, и прежде чем она смогла ответить, быстро добавил:

— О, извини! Это вышло не так. Я не хотел, чтобы это звучало, будто я приглашаю тебя на свидание. Есть группа из шести или семи человек, которые едят там практически каждый день — Хэнк Олсон, которого ты встретила, и две женщины, которые работают с ним в отделе маркетинга, а иногда приходит Ирэн и еще несколько человек. Мы бы хотели, чтобы ты присоединилась... но только если у тебя нет других планов.

Она заметно расслабилась и после нескольких секунд размышлений сказала:

— Вообще-то, звучит неплохо. Я не так хорошо знаю эту часть города.

— Отлично! — сказал я. — Обычно мы встречаемся у лифтов около 12: 15. Тогда увидимся?

— Хорошо, — сказала она, одарив меня чудесной улыбкой. Я вернулся в свой офис с чувством, что начал хорошо.

Томми ходила обедать с нами почти каждый день, и через пару недель она вписалась в нашу группу. Поначалу она была застенчивой, говорила не много, но смеялась над взаимными поддразниваниями и шутками, которыми перебрасывались другие, а по мере того как она начала чувствовать себя более комфортно, перестала сдерживаться, и время от времени тоже подкалывала или вышучивала.

Только одно беспокоило меня, хотя, казалось, никто об этом не подозревал: все мужчины в группе превратились вокруг нее в настоящих кобелей. Морти и Тед из бухгалтерии с трудом сдерживали язык. Даже Хэнк Олсон, который был настолько счастлив в браке, насколько это возможно для мужчины, осторожно посматривал на нее, когда думал, что никто этого не видит.

Поскольку мы все хорошо знали друг друга, открытого флирта не было — просто было бы странно неуместно подкатывать к кому-то в этой обстановке — но другие парни явно испытывали такое же вожделение к Томми, которое почти ошеломило меня, когда я впервые увидел ее.

Что до меня, чувства никуда не делись, но они резко изменились, из-за того что я подслушал в тот день в закускойной. Мне было жаль ее — симпатичного, дружелюбного и милого человека, который ничего не мог сделать с тем, как реагирует на нее мужская половина мира. Она абсолютно НИКОГДА не флиртвала, любые ее поддразнивания касались работы или мелочей типа того, что кто-то надел одновременно синий и коричневый носки, как это однажды сумел сделать Морти.

Она, должно быть, очень хорошо знала, что чувствуют мужчины в группе. Мне было интересно, заметили ли это и женщины, а однажды я подслушал, как Ирэн и Линн тихо разговаривают у кулера.

— Я просто не понимаю, что в ней такого особенного, вот и все, — прошипела Линн. — Я думаю, она хорошенькая, но почему у каждого парня член завязывается узлом?

Линн было сорок два года, она была незамужней и немного походила на гарпию. Ирэн успокаивающе ответила:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, Линн, но не вижу вины Томми. Она дружелюбна, но

одевается исключительно консервативно, и я ни разу не видела, чтобы она хоть раз флиртовала с кем-либо из них. Ты замечаешь, как она всегда сидит сбоку от стола, лицом к стене, чтобы ей не приходилось смотреть на каждого парня, который подходит к столу?

Линн неохотно согласилась, и когда я проходил мимо, они заговорили о другом.

Пару дней спустя я вошел в мужской туалет и обнаружил, что Морти и Тед моют руки бок о бок, и было очевидно, о ком они говорят.

—... просто не могу поверить, как сильно она меня заводит. Как будто я никогда раньше не видел женщину, бога ради!

— Я знаю, — согласился Морти. — Это почти сбивает с толку. Тебе повезло?

— Нет. Она всегда вежлива, но четыре раза отказала мне. Ни ужина, ни кино, ни прогулки после работы — нет. Может, она — лесбиянка!

Они оба усмехнулись, и Морти сказал:

— Господи, неужели я зря трачу время?

— Привет, Джек, — сказал он, обращаясь ко мне, — тебе тоже не повезло с Томми?

— Нет, — небрежно сказал я, — я не приглашал ее на свидание. Должен признать, она довольно хорошенькая.

— Хорошенькая?! Она — ходячая поллюция! — почти закричал на меня Тед. — Она — самая горячая фигня, которую я когда-либо видел. Боже, да я бы в любой день вымыл ей трусики своим ртом.

Я засмеялся и сказал:

— Спасибо, что поделился этой идеей, Тед. Может, тебе стоит предложить ей, и она сэкономит на счетах за стирку.

Когда я вышел из мужского туалета, они все еще говорили о ней.

Тот факт, что я старался быть хорошим парнем, позволить Томми увидеть, что мужчина может быть дружелюбным и теплым, не делая все возможное, чтобы залезть ей в трусы, не означал, что я не хотел залезть туда.

Но со временем это несколько изменилось. Она не стала менее сексуальной, но через несколько недель я привык к ней, и чувство отчаянной похоти уже не так сильно затрагивало меня.

На самом деле, все больше и больше я ловил себя на том, что думаю о том, какой хороший человек Томми, какой внимательной и милой она оказалась, и как мне нравится просто находиться рядом с ней. Чувствовал бы я себя так, если бы она была непривлекательной? Я не раз задавал себе этот вопрос, но так и не нашел ответа.

Я заметил, насколько внимательной и сочувствующей была она, когда внезапно умерла мать Ирен, с какой охотой она прервала свою работу, чтобы пригласить Ирен на чашку кофе. И насколько терпеливой была она с Конни, чьи многословные рассказы о ее парне иногда угрожали захватить все наши групповые обеды. Судя по всему, Конни встречалась с парнем, который «не мог взять на себя обязательства», как любят говорить женщины, а она часто заливала нам в уши о нем.

Более чем один раз Тед, Морти или я были готовы сказать: «Довольно, Конни! Брось этого парня или выйди за него замуж, в конце концов», но Томми слушала и сочувствовала... она всегда каким-то образом заставляла Конни чувствовать себя лучше, в то время как остальные из нас в значительной степени теряли терпение.

Прошло почти семь месяцев, после того как Томми пришла работать в Минестру, прежде чем я начал серьезно задумываться о том, чтобы пригласить ее на свидание. Я чуть не убил себя, пытаясь быть хорошим парнем. Я никогда не позволял себе тарачиться на нее во время обеда, как другие парни, и никогда не делал ни одного замечания, которое было бы сексуальным или фривольным. В то же время, время от времени я вскользь упоминал о свидании с той или иной женщиной, указывая на то, что у меня имеется личная жизнь, но нет никого особенного. И если Морти дразнил меня вопросом о том, «получаю ли я что-нибудь», я выглядел слегка обиженным и тихо отвечал, что Рут, или Элисон, или Лили были милыми, и мы на самом деле наслаждались проведенным вместе временем.

Я не выглядел монахом, как я думаю, но пытался произвести впечатление вполне порядочного и сдержанного человека — другими словами, не типичного возбужденного парня. И я хотел убедиться, что это впечатление не изменилось.

Я ждал возможности сделать что-нибудь необычное. Однажды за обедом Томми упомянула, что в детстве играла на скрипке, и что хотя и бросила ее после колледжа, но все еще очень любит музыку.

Так что я написал своему другу Нику, жившему в Миннеаполисе и полностью помешанному на классической музыке, и попросил его посмотреть на веб-страницу Симфонического оркестра Индианаполиса и сказать, какой концерт, по его мнению, может понравиться бывшему скрипачу.

Он прислал мне ответ по электронной почте, рекомендуя концерт, в котором были бы Симфония Брамса и Концерт для скрипки Чайковского. Он сказал, что этот концерт ослепит любого скрипача, и что большинство любителей классической музыки обожают Брамса.

Мне это показалось хорошим. Поэтому я последовал его совету, купил два хороших билета на концерт, а затем пошел поболтать с Томми и выдать ей немного белой лжи.

Когда я подошел к ее столу, она одарила меня обычной дружеской улыбкой, дав знак подождать, пока не закончит разговор. Затем сказала:

— Привет, Джек, как дела? Тебе нужно увидеться с Беном?

— Вообще-то нет, Томми, я надеялся, что ты сделаешь мне одолжение. — Я сказал это очень сдержанно — без ухмылки, без намека на какие-либо недомолвки. — У меня есть тетя в Фениксе, она на пенсии, и ей нечем заняться, и теперь, когда она открыла для себя Интернет, то занята тем, что поддерживает связь со своими племянниками и племянницами и дает нам полезные советы по электронной почте, ну, типа «возьми с собой зонтик на случай дождя» и тому подобное.

Томми усмехнулась, и я продолжил:

— Итак, на мой день рождения, полагаю, чувствуя, что мне требуется подтянуть культуру, она прислала мне два билета в Симфонический оркестр Индианаполиса, и концерт состоится в следующую пятницу. Это Вторая симфония Брамса, пьесы Мендельсона и Концерт для скрипки с оркестром Чайковского. Я знаю, что тебе на нравится классическая музыка, и надеюсь, что ты пойдешь на концерт со мной и станешь моим наставником. Я знаю, что извлеку из этого гораздо больше.

Я видел, как ее глаза слегка сузились, когда она обдумывала это, затем она сказала:

— Думаю, я бы этого хотела, Джек. Следующая пятница? — Она вытащила из сумочки ежедневник и посмотрела в него. — Должно срастись. Кто играет?

Я вытащил билеты из кармана рубашки.

— Парень по имени Джошуа Белл... он хороший?

— Боже мой, — хмыкнула она, — он невероятный! Однажды я слышала, как он играл в Карнеги-холл в Нью-Йорке, и он... Ну, в любом случае, он действительно потрясающий, — заключила она, немного смущенная своим энтузиазмом. На самом деле я погуглил Джошуа Белла и обнаружил, что он был не только феноменальным скрипачом, но и чем-то вроде предмета вожделения. Оказалось, что Томми тоже об этом знала!

Мы поболтали еще пару мгновений, договорившись, что встретимся в Гильберт Сёркл Театр, и я направился обратно к своему столу. Я приглашал ее на ужин, и был очень осторожен, чтобы ненароком не произнести слово «свидание» и чтобы это не звучало как нечто большее, нежели просто концерт.

И мы прекрасно провели время. Я знал о классической музыке немного больше, чем рассказывал Томми, потому что вырос матерью — пианисткой-любителем, и меня водили на множество концертов. Томми была от концерта в восторге, особенно от Джошуа Белла, который играл на скрипке просто великолепно, и она много рассказывала мне о композиторах и музыке, перед тем как мы слушали каждую пьесу.

Что меня больше всего порадовало, так это то, что Томми со мной было комфортно. Как всегда на работе, на ней была консервативная, закрытая одежда — ни в коем случае не с низким лифом, узкими брюками или короткой юбкой. И как всегда, я сохранял строго дружеское поведение. Я продолжал желать ее как сумасшедший, но был почти уверен, что этого не произойдет.

Когда концерт закончился, мы быстро выпили по чашке кофе в заведении за углом, и я проводил ее до квартиры. Я не собирался делать ничего, кроме рукопожатия, поэтому был доволен, когда она наклонилась, поцеловала меня в щеку и сказала:

— Спасибо, Джек, это было действительно очень приятно.

— Я тоже отлично провел время, Томми, и может быть, мы сможем когда-нибудь повторить. Увидимся завтра! — И с улыбкой, помахав рукой, я смотрел, как она вошла в свое здание, а затем с улыбкой на лице ушел прочь.

Тщательно подумав, я ждал целых две недели, прежде чем поговорить с ней о новом концерте. Я хотел, чтобы она увидела, что у меня нет никаких ожиданий, и что я могу быть полностью сдержанным. Я ни разу не сказал ни слова никому из нашей обеденной группы, да и вообще никому в Минестре, что мы с Томми ходили на концерт.

Я подумал, что она может поднять этот вопрос на следующий день — ну, знаете, просто чтобы сказать: «Это было весело, Джек» или что-то в этом роде, — но она вела себя с обеденной группой так, будто этого никогда не было.

Итак, через две недели я подошел к ее столу и сказал:

— Томми, мне очень понравился концерт Симфонического оркестра... ты бы не хотела повторить?

И когда она улыбнулась и сказала, что хочет, я вытащил распечатанный календарь Оркестра и сказал:

— Так уж случилось, что прямо здесь у меня есть их расписание...

Томми засмеялась, а затем я придвинул стул, мы посмотрели в календарь и выбрали, когда на следующей неделе они будут играть Прокофьева и симфонию Бетховена.

Наш второй визит в Оркестр был очень похож на первый: Томми рассказывала мне о композиторах и музыке, нам обоим очень понравился концерт, и мы легко и комфортно

болтали. Я узнал немного больше о ее старшей сестре Алисе, которая вышла замуж за канадца и жила в Торонто, а сам рассказал ей несколько забавных историй о том, как я проучился в колледже в качестве спасателя в бассейне ИМКА, и о некоторых безумных вещах, что там происходили.

А в антракте произошло еще кое-что интересное. Я оставил Томми на несколько минут, стоя в очереди за парой кока-колы, и когда уже держал их в руках, то огляделся через переполненный вестибюль и увидел очень красивого парня, болтающего с ней.

Поскольку мы с ней официально не «встречались» или что-то в этом роде, я понял, что должен вести себя спокойно. Я наблюдал за ними двумя, пробираясь сквозь толпу — он был чертовски очарователен, но я не мог сказать, как Томми на него реагировала.

Когда я, наконец, добрался до них, то вручил Томми ее газировку и сказал парню приятным голосом:

— Привет, я — Джек.

— Э-э, привет, я — Рене, — сказал он, явно нисколько не радуясь тому, что я присоединился к разговору. На мгновение повисла неловкая тишина, а затем Рене вспомнил какую-то историю, которую рассказывал Томми, вероятно, чтобы произвести на нее впечатление тем, насколько он великолепен.

Но теперь, когда он видел, что Томми была с кем-то, его энтузиазм угас, и еще через пару минут он кивнул мне, сказал Томми по-настоящему искренне о том, как он рад познакомиться с ней, и ушел.

Я не собирался говорить об этом ни слова, но Томми просто закатила глаза и сказала:

— Кто-то, кажется, ужасно впечатлен собой!

Я громко рассмеялся и сказал:

— Я бы сказал, что он был впечатлен тобой — он явно не был доволен моим появлением. Она вздохнула, выглядя немного несчастной, и сказала:

— Знаешь, иногда я просто так УСТАЮ от парней, которые все время пытаются меня подцепить. Это лестно, я думаю, но через некоторое время реально утомляет.

Я должен был быстро принять решение. Моим первым побуждением было сказать: «Ну, я не удивлен, что парни пытаются тебя склеить, Томми — ты великолепна!» Но я совсем не хотел кокетничать. Я хотел быть искренним, теплым и добрым... и прежде всего, не угрожающим. Так что вместо этого я выбрал шутку.

— Это странно, — сказал я, пытаюсь выглядеть задумчивым, — меня парни вообще не особо цепляют! Думаю, лишь несколько раз в спортзале...

Я позволил своему голосу затихнуть, выглядя озадаченным, и Томми взорвалась. Она так смеялась, что чуть не пролила газировку, и я засмеялся вместе с ней. Это был хороший момент.

В конце вечера я доставил ее к ее квартире, и, как и в первый раз, она поцеловала меня в щеку. Не знаю, заканчивал ли я когда-нибудь раньше второе свидание без настоящего поцелуя — может быть, когда мне было пятнадцать или около того. Но все шло своим чередом, и я вообще не собирался торопиться с Томми.

А через три дня понял, что поступил правильно. Утром мне позвонила Томми и попросила подойти к ее столу, прежде чем все мы встретимся за обедом. Когда я подошел, она уже раскрыла расписание симфонического оркестра.

— Как бы ты отнесся на этот раз к «Весне священной»? — сразу спросила она меня.

— Это Стравинский, да?

— Bravo! — ответила она. — И еще концерт Бартока для фортепиано с оркестром, который немного диссонирует, но по-настоящему захватывает.

Мы согласовали дату, и я сказал:

— Я закажу билеты сразу после обеда.

— И послушай, Джек? — Томми внезапно выглядела немного неуверенной. — Ты платил за все билеты...

— Ну, — засмеялся я, — за первый сет заплатила тетя!

— Хорошо, но потом их покупал ты. Я подумала... ну, а как насчет того, чтобы на этот раз я приготовила нам ужин?

— Конечно, — сказал я. — Это было бы здорово! Я ем все: филе-миньон, икру, свежего лобстера...

Она засмеялась и толкнула меня в руку.

— Я думала о свинине и бобах из консервной банки.

— Меня устраивает, а у тебя есть квашеная капуста или мне принести?

Когда я прибыл в квартиру Томми, то увидел, что она слегка нервничает, и от этого я почувствовал себя хорошо. Я подумал, что если она видит во мне не более чем случайного друга и приятеля по концертам, то не будет нервничать, если я приду к ней.

Я думал о том, чтобы принести цветы, но вместо этого выбрал большой липкий шоколадный торт, поскольку цветы предполагают, что парень ухаживает за девушкой, а я старался не производить такого впечатления. Она открыла коробку и сказала:

— Ух, ты! Он выглядит восхитительно — и сытно. Конечно, — дополнительный час в спортзале в эти выходные, но оно того стоит. Спасибо, Джек.

Она приготовила нам куриный каччиаторе со спагетти и прекрасным греческим салатом. Это было очень хорошо, и очевидно, что она приложила к нему много усилий. Еще один хороший знак!

Как только мы сели, я начал задавать ей вопросы о Бартоке и Стравинском, и это, казалось, ее расслабило. Мы болтали, ели и смеялись, и прежде чем это осознали, чуть не пропустили концерт.

— Ох, блин! — сказала Томми, взглянув на часы. — Нам лучше бежать. Прости, Джек, мы даже не добрались до этого торта. Как насчет того, чтобы вернуться потом и съесть десерт? «Замечательно», — подумал я и ответил:

— Конечно, Томми. Просто возьми свое пальто.

Я собрал посуду, оставив ее у раковины на кухне, и мы направились к двери.

«Весна священная» Стравинского, конечно, не мое. Представьте себе сто музыкантов на сцене, которые злятся друг на друга, и все играют так, будто хотят взбесить друг друга... теперь представьте, что это длится чуть больше получаса. Я не буду возражать, если в ближайшее время мне не придется слушать это еще раз.

Но концерт Бартока для фортепиано с оркестром был крутым, а быть с Томми — что, конечно, было для меня главным — было просто потрясающе. Она казалась мне более расслабленной и довольной, чем когда-либо, смеялась и шутила, иногда кладя руку мне на плечо.

В антракте, опять уйдя за газировкой, я наблюдал за ней. В первые две минуты по крайней

мере трое парней подошли к ней поговорить, но она их всех прогнала. А потом, к моему удивлению, подошла и присоединилась ко мне в очереди, и мы, пока ждали, говорили о музыке.

По дороге обратно в ее квартиру после концерта веселое настроение Томми, казалось, изменилось. Она стала тихой и немного замкнутой, и я понял, что ее беспокоит.

Когда мы были в полуквартале от нее, я сказал:

— Слушай, Томми, уже поздно. Может, сегодня вечером пропустим десерт, или сделаем это в другой раз?

Она остановилась и серьезно посмотрела на меня.

— Нет, Джек, я... это...

Взяв меня за руку, она сказала:

— Я бы хотела, чтобы ты поднялся. Но мы... я не... Джек, я не лягу с тобой в постель.

И снова мои инстинкты боролись с моим здравым смыслом. Я хотел притвориться, что сердито смотрю на нее и говорю: «Ложиться со мной в постель? Как ты думаешь, что я за парень? Тебе нравится только мое тело?»

Но я держал себя в руках. Вместо этого я просто улыбнулся и сказал:

— Все в порядке, Томми.

Затем немного подождал и добавил:

— Я был бы очень разочарован, если бы вернулся домой без куска торта.

Слава богу, это ее рассмешило, и неловкость прошла. Когда мы вошли внутрь, я сразу направился к раковине и начал мыть посуду. Томми в шоке посмотрела на меня, затем усмехнулась и сказала:

— Ну, ты, просто полон сюрпризов!

В то время как я доканчивал посуду, она убирала остатки еды, сварила кофе и отрезала нам по куску торта, а затем мы сели за стол и съели его. Мы еще поговорили о Бартоке и Стравинском, а затем о некоторых из наших наиболее ярких сотрудников.

Но потом разговор прекратился, и Томми снова выглядела неуверенной. Решив не торопиться, я встал и сказал:

— Еще раз спасибо за ужин, Томми. Это было потрясающе, и весь вечер прошел весело.

Я обошел стол и осторожно поднял ее на ноги. Посмотрев ей в глаза, я сказал:

— В следующий раз я бы хотел приготовить для тебя, это будет нормально?

И двинулся к двери, довольный, что она взяла меня за руку и пошла со мной.

— Да, Джек... и ты знаешь, мне тоже нравится филе-миньон и лобстер!

Улыбка на ее лице сказала, что поцелуй на ночь будет приветствоваться, поэтому я обнял ее и подарил ей хороший поцелуй. Но нежно, ничего напористого или пугающего, без языка — просто ласково.

Когда я отпустил ее, она улыбнулась и сказала:

— Спокойной ночи, Джек, — поцеловала меня в ответ и опять сжала мою руку, прежде чем отпустить.

Возвращаясь к себе в квартиру, я широко улыбался внутри себя. С одной стороны, это были самые медленные ухаживания, которые я мог себе вообразить, особенно для двух взрослых. Это было похоже на возвращение в старшую школу. На Среднем Западе. В пятидесятые годы!

Но с другой стороны, я прекрасно проводил время. Томми была красива, умна и обладала прекрасным чувством юмора. И она была чертовски сексуальна и, похоже, заинтересовалась

мной, хотя и была немного настороже. Чему нельзя было не улыбаться?

Наше следующее свидание было просто ужином в пятницу вечером у меня дома. У Симфонического оркестра не было ничего такого, что Томми хотела бы послушать, и я думаю, она начала чувствовать себя комфортно с тем, что мы на самом деле встречаемся — нам не нужно было притворяться, что она просто учит меня музыке.

Я вообще-то неплохо готовлю. Когда мы с Эми были женаты, я готовил в больше половины случаев. Так что, я приготовил маринованные отбивные из баранины на гриле, ризотто и салат из авокадо, а также кое-что в виде шутки. Когда приехала Томми, я показал ей свое место жительства — это была просто квартира с двумя спальнями, но очень удобная, и я содержал ее в чистоте и порядке. А потом она подошла и села за кухонный стол, а я закончил помешивать ризотто и заправлять салат, и мы отнесли еду к столу в моей маленькой столовой.

— Все выглядит очень мило, Джек, — сказала она. — Я впечатлена!

— Ой, чуть не забыл... сядь и на минутку и закрой глаза. Я вспомнил твои слова.

Она вопросительно посмотрела на меня, но я просто ждал, поэтому она улыбнулась и послушно закрыла глаза. Я полез в карман за двумя листочками бумаги и положил их ей на тарелку.

— А теперь открывай.

Она посмотрела на свою тарелку, на мгновение озадаченная, а затем расхохоталась. Перед ней лежали две небольшие фотографии, вырезанные из кулинарного журнала: фотографии великолепного филе-миньона и пары приготовленных лобстеров.

Она, наконец, восстановила дыхание и сказала, все еще хихикая:

— Ну, выглядит восхитительно, — и я сказал:

— Ты знаешь, за то, что платят нам в Минестре, не купишь много филе и лобстера. Но раз уж я об этом говорю, то когда у тебя день рождения?

— Двадцать восьмого июня, — сказала она, и я сказал:

— Хорошо, на твой день рождения я закажу тебе жаркое из креветок, омаров и говядины. Согласна?

— Согласна, — сказала она. А потом встала и нежно поцеловала меня в губы.

— Мне нравятся твои сюрпризы, Джек, — сказала она. А потом мы сели и поужинали, болтая, шутя и замечательно проводя время. Я начинал чувствовать себя более уверенно в том, что здесь, с этой удивительно сексуальной и веселой женщиной, действительно может что-то получиться, и это сделало меня очень счастливым.

После десерта, которым был яблочный пирог и который принесла Томми, мы стояли бок о бок, мыли и вытирали посуду, время от времени случайно мягко сталкиваясь друг с другом. Она сказала «да» еще одной чашке кофе, поэтому я налил каждому по чашке и отнес их в гостиную.

Мы сидели рядом на диване, разговаривали, а когда замолчали, я посмотрел на нее. Она смотрела на меня, слегка улыбаясь, и я наклонился, чтобы поцеловать ее... готовый отступить в любой момент, если она выкажет нежелание. Но она этого не сделала, и мы нежно поцеловались, обнялись и держали друг друга в объятиях восхитительные полчаса.

Удерживая, я хотел ее больше, чем когда-либо — она бы ясно увидела мой стояк, если бы взглянула вниз — но я так боялся ее напугать, что делал все очень, очень медленно.

Тем не менее, наконец, настало подходящее время, поэтому я осторожно провел рукой вниз по ее руке, чтобы погладить одну из ее грудей сквозь блузку. Сначала ей это, казалось, понравилось — она издала тихий звук «mmm» и крепче поцеловала меня, — но через минуту отстранилась, с обеспокоенным выражением лица.

Я ждал, и слезы навернулись на ее глаза.

— Джек, мне очень жаль, я...

— Шшш, — сказал я, притягивая ее к себе, положив ее голову мне на плечо, — все в порядке. Мне нравится просто быть здесь, обнимать тебя. Мне это действительно нравится.

Через минуту она расслабилась, и я начал гладить ее по голове. На самом деле я узнал об этом от своего отца, еще когда был ребенком. Практически нет ничего лучше, чем легкий массаж головы, когда кто-то проводит пальцами по вашей голове по волосам. Мне нравилось, когда он это делал, особенно по ночам, когда я был возбужден и не мог уснуть.

И с годами я понял, что женщинам это тоже нравится. Я бы не сказал, что использовал его как технику соблазнения, но обнаружил, что это — безопасный, несексуальный, но очень интимный способ прикосновения к женщине. Никогда не доставляет боли, скажем так!

Несколько минут я гладил голову Томми одной рукой, чувствуя, как она расслабляется рядом со мной. Затем я переместил ее так, чтобы она лежала, положив голову мне на бедро, а я мог пользоваться обеими руками, двигаясь от макушки к спине, а затем в стороны, выше и вокруг ее ушей, пока в ее горле не зародились тихие довольные звуки.

Я продолжал в том же духе долгое время, а когда замедлился и остановился, она практически спала, мирно лежа рядом со мной, положив голову мне на бедро. Я все еще хотел ее трахнуть? О боже, да... но в тот момент я был очень счастлив.

Мы пробыли так, не двигаясь, долгое время, в то время как я лениво гладил ее по волосам. Около 22:45 я тихо сказал:

— Томми? Уже поздновато.

И она села, выходя отсутствующей, и сказала:

— Вау, мне кажется, я заснула.

Она потянулась, поправила волосы и очень серьезно посмотрела на меня.

— Джек, это было... Это была лучшая вещь, которую когда-либо делал для меня мужчина. Иди сюда. — И она потянулась ко мне и прижала к себе, крепко поцеловала, ее язык искал мой.

Через пару минут мы снова обжимались, на этот раз отчаянно, и в моих штанах был железный прут. Она встала и поставила меня на ноги, и мы продолжали целоваться, крепко прижимаясь друг к другу, пока она не сказала:

— А, когда ты покажешь мне свою квартиру, Джек?

— Что? — Я понятия не имел, что она имела в виду, а она улыбнулась и сказала:

— У меня особо не было возможности осмотреть твою спальню... как ты думаешь, могу я увидеть ее еще раз?

Что я могу рассказать о первой ночи Томми в моей постели? С одной стороны, я думаю, это было очень похоже на большинство первых ночей. А с другой стороны было невероятно замечательно.

Мы не делали ничего необычного; мы сняли друг с друга одежду, лежали на кровати, касаясь друг друга, целовались и ласкались, и занимались сексом. Я бы даже не сказал, что это был

особенно дикий секс. Но я так давно желал Томми, что совершенно отчаянно хотел заполучить ее. Когда я поглаживал ее киску и сосал ее груди, а она тяжело дышала и затащила меня на себя, ощущение ее тепла, когда я толкнулся в нее в первый раз, было похоже на чудо. Мы на минуту остановились чтобы надеть презерватив, что иногда действительно может испортить настроение, но на этот раз все было нормально.

Я был тверд как сталь, и стонал от радости, а она улыбалась и целовала меня, а потом мы просто сделали это... Мы ласкались и покачивались, толкали и тянули друг друга, и это было не что иное, как осязание, тепло и симпатия. И я кончил как сумасшедший, не так уж скоро, но намного раньше, чем хотел бы, и это было похоже на величайший оргазм в моей жизни...

А когда все закончилось, и я лежал рядом с ней, переводя дыхание, радостно глядя на ее расслабленное, улыбающееся лицо, то хотел сказать:

«Ты даже не представляешь, как долго я хотел это сделать!»

Но опять же, это казалось неправильным. Так что, я сказал:

— Томми, ты такая красивая. Я так рад, что ты здесь, со мной!

И она улыбнулась, поцеловала меня в плечо и сильнее прижалась ко мне.

Томми осталась со мной на ночь, и мы сделали это еще раз, где-то посреди ночи. Этот раз был вроде как в полусне, не быстрый и яростный, но такой же потрясающий, как и в первый раз, и мы просто целовались и целовались, прежде чем снова заснуть.

На следующее утро я принес в спальню чашки с кофе, одетый только в боксеры, когда Томми открыла один глаз и улыбнулась мне.

— Боже мой, это выглядит хорошо, — сказала она, а я ответил:

— Я или кофе?

— На самом деле и то, и другое, но я имела в виду кофе, — сказала она. Мы пили из чашек, по-дружески устроившись бок о бок у изголовья. Я сказал:

— Что у нас сегодня по плану — не хочешь сходить на пикник в парк Бруксайд?

У Томми появилось забавное выражение лица, которое я не мог прочесть, и она сказала:

— Можно я приму душ, Джек? Потом мы сможем поговорить.

Я дал ей полотенце, свой халат и принял заказ на завтрак, а когда она вышла, чудесно выглядящая и пахнувшая, на столе были яичница, английские кексы, апельсиновый сок и еще кофе. Я надеялся, что она тут же попросит меня жениться на ней, но она этого не сделала — просто слегка улыбнулась и сказала: — Вау, выглядит неплохо.

— Давай, начинай, я буду через секунду.

Я принял душ за три минуты, натянул шорты и футболку и поспешил обратно на кухню.

— Итак, — сказал я, пока мы ели, — как насчет пикника? Или ты хочешь заняться чем-нибудь еще? Взять напрокат велосипеды и прокатиться вокруг, или сходить в кино?

Забавный взгляд вернулся, и Томми сказала:

— Я... не уверена, что готова к этому, Джек. Я имею в виду, что мы проведем еще один день вместе.

Похоже, что выглядел сбитым с толку. Она вздохнула и сказала:

— Это довольно длинная история... не та, которую я готова рассказать прямо сейчас, если это нормально. Скажем так... я немного пуглива. Я обожглась, двигаясь слишком быстро или будучи с парнями, которые не были тем, кем казались, и...

Она остановилась, как будто не знала, как закончить фразу. Я ей улыбнулся:

— Все в порядке, Томми. Я бы предпочел, чтобы мы шли медленно и сделали все правильно.

Но ты должна послушать меня выслушать, хорошо?

Она видела, что я говорю серьезно, и посмотрела мне в глаза.

— Да, Джек, конечно, в чем дело?

— Это был не секс на одну ночь, по крайней мере, для меня, и я не хотел просто уложить тебя в постель. Ты мне очень нравишься, мне очень нравится проводить с тобой время, и я надеюсь сделать много больше. Поняла? — последние два слова я сказал с нарочито серьезным нахмуренным лицом, и она одарила меня прекрасной улыбкой.

— Да, сэр! — ответила она, салютуя мне по-военному. — И, Джек, не то чтобы я думала о тебе так. Это... ну, я могла бы сказать, что больше не слишком доверяю своим инстинктам.

— Пока ты не откажешься от меня, — сказал я, — я могу идти так медленно, как тебе нужно.

Она обошла стол, села мне на колени и обняла.

— Спасибо, Джек, — сказала она, и мы поцеловались.

Не могу сказать, что был полностью счастлив, что она меня оттолкнула. На самом деле я был немного разочарован. Зная о прошлом Томми, благодаря тому, что я слышал в закуской, я понял, что она чувствовала. Тем не менее, я очень надеялся, что наша чудесная ночь вместе быстрее сломает преграды.

Я позвонил Элисон, чтобы узнать, свободна ли она в ту ночь; Элисон была женщиной, которую я знал пару лет, она развелась, как и я, и время от времени мы встречались по случаю. Обычно наши посиделки включали секс. В ту субботу вечером мы пошли поужинать, выпили у нее дома и пару раз трахнулись. Мне она тоже нравилось — одна ночь с Томми, естественно, не сделала меня нечувствительным к привлекательности других женщин — но она была немного пустой. Я думаю, это было то же самое, что и «секс дружеской взаимопомощи», не хуже, но накануне вечером у меня было кое-что намного лучше.

К моему приятному удивлению, в воскресенье мне позвонила Томми, когда я кое-как убирался в квартире и слушал игру «Красных» по Интернету.

— Привет, Джек, это Томми. Как ты?

— Теперь, когда разговариваю с тобой, то в хорошем настроении. Как прошли твои выходные?

Мы дружелюбно поболтали несколько минут, а затем она сказала:

— Как думаешь, ты будешь свободен в следующую субботу вечером? Я ужинаю в Престиссимо с моими хорошими друзьями, Кэти и Эриком, и было бы здорово, если бы ты тоже присоединился к нам.

Когда наступила суббота, у нас был очень хороший вечер. Кэти и Эрик были дружелюбны, и с ними легко было говорить. Между моим вопросом о том, как познакомились Кэти и Томми — они учились в одном классе по экономике в колледже — и нашими с Томми историями из жизни в Минестре, у нас получился непрерывный разговор, полный смеха.

Естественно, я знал, что Томми пригласила меня хотя бы частично для того, чтобы ее друзья могли меня оценить. И, конечно же, Кэти была той самой женщиной, что разговаривала с Томми в закуской «Акрополис», и которую я подслушал, хотя я никогда об этом не говорил.

После ужина Эрик пригласил нас к себе в пригород на кофе, пообещав позже отвезти домой, и мы согласились. У них было красивое ранчо в тихом районе, и мы сидели на их террасе, наслаждаясь спокойным вечером.

Кэти попросила Томми присоединиться к ней на кухне «помочь с кофе», а когда они ушли, Эрик поймал меня на том, что я хихикнул.

— Что? — спросил он, улыбаясь.

Я сказал:

— Я не утверждаю, что всегда понимаю женщин — это далеко не так! — но мне пришлось бы быть очень тупым, чтобы не понять, что происходит.

Он усмехнулся и сказал:

— О, ты имеешь в виду, обсуждение нового парня?

— Совершенно верно. И, по-видимому, мы с тобой должны провести здесь невероятно откровенный мужской разговор, чтобы ты смог поделиться с Кэти своими впечатлениями обо мне, чтобы потом передать Томми.

Он громко рассмеялся и сказал:

— Я думаю, это было немного очевидно, не так ли? Хорошо, быстро расскажи мне все свои глубокие темные секреты.

Я наклонился вперед и понизил голос, сказав притворно-серьезным тоном:

— Ну, когда мне было девять лет, я бросил кожуру банана в почтовый ящик.

Эрик чуть не лопнул от смеха, едва сумев выдавить:

— В самом деле? — Я кивнул, и мы сразу же начали болтать о глупых и/или опасных трюках, которые проделывали, будучи детьми. Он был очень благодушным и веселым парнем... я обнаружил, что он мне очень нравится.

Когда Эрик высадил нас с Томми у ее квартиры, мы с минуту стояли и разговаривали, после того как он уехал.

— Как я справился?

Она выглядела немного смущенной.

— Разве не очевидно?

— Нет, но я почти уверен, что ты хотела узнать, что они думают обо мне. Честно говоря, Томми, мне очень приятно, что ты пригласила меня с собой на встречу с ними... я могу сказать, что они — действительно твои близкие друзья, и мне очень понравились. Я считаю, что они на самом деле потрясающие.

Она обняла меня.

— Ну, ты им тоже понравился... и мне тоже. — Она поцеловала меня, а затем еще раз. — Хочешь подняться?

Я осторожно сказал:

— Только если ты хочешь, чтобы я это сделал. Если сегодня тебе это не нравится, давай подождем.

Тихим голосом она сказала:

— Вау, это был правильный ответ. Да, мне кажется, что это будет правильно.

Мы занимались любовью полночи, и все было даже лучше, чем в первый раз. Мы были более расслабленными, более уверенными друг в друге. Радость от того, что она находится в моих объятиях, от пребывания в ее объятиях, была не похожа ни на что, что я когда-либо испытывал в своей жизни.

Утром мы вместе приняли душ, потом Томми приготовила нам завтрак, и мы говорили и ели примерно до часу дня. Я собирался уходить, потому что днем у нее было свидание с подругой, когда она подошла ко мне сзади, в то время как я застегивал рубашку, и обняла.

— Можно вопрос?

— Конечно, — сказал я и обернулся. На ее лице было неуверенное выражение. Я поцеловал ее в лоб, и мы вместе сели на кровать.

— Мы... Джек, я не...

Я ждал, и она сказала:

— Мы вообще не говорили о том, зачем мы здесь, что мы значим друг для друга.

Я сказал:

— Ну, я думаю, что мы «встречаемся», если использовать старомодную фразу, и я наслаждаюсь каждой минутой этого. засмеялся, встал на одно колено и сказал: — А как насчет того, чтобы мы сказали, что мы станем женихом и невестой? Томми, ты будешь моей невестой?

— Не дразнись, Джек.

— Мне очень жаль... я пошутил, но я не хотел тебя дразнить. Я хочу быть единственным мужчиной в твоей жизни, пока ты будешь со мной. И у меня не будет никакой другой женщины.

— Я тоже хочу так, — очень серьезно сказала она, пристально глядя мне в глаза. И мы целовались несколько минут, просто чтобы заключить сделку.

В понедельник за обедом все было по-другому. Томми, похоже, приняла какое-то решение. Она тепло улыбнулась мне, когда мы все встретились у лифтов, а когда добрались до «Армандо», она позаботилась о том, чтобы мы сели рядом.

Мне понравилось то, что я увидел, но сначала никто из нас ничего не сказал другим. Разговор был обычными шутками и жалобами на работу: в этом году могут отменить премии из экономии, никто из высшего руководства понятия не имел, как много мы работаем и т. д.

А потом Конни начала жаловаться на то, насколько скучен Индианаполис, что тут нечего делать, нам всем нужно переехать в Чикаго или Нью-Йорк, бла-бла-бла... Это был ее привычный плач. Но Томми просто сказала:

— О, я не знаю... на самом деле я не думаю, что здесь так уж плохо. Например, Симфонический оркестр великолепен. Мы с Джеком ходили на несколько концертов, и они были потрясающими.

Наступило удивленное молчание, а затем все сразу заговорили, в основном подкалывая:

— Боже мой, да они — пара!

— Вы действительно собираетесь гулять вместе?

— Как ты вообще заставил ее встречаться с тобой, Джек?

— Зачем тебе тратить время на такого неудачника как он? — И так далее.

Томми просто взяла меня за руку, и мы улыбнулись им, терпеливо перенося добродушные вышучивания (в основном, конечно, направленные против меня). Наконец, я сказал:

— Что я могу вам сказать, ребята? Я просто заставил ее потерять голову! — (Томми хлопнула меня по руке, когда я это сказал.)

— Вы все почему-то не смогли увидеть мои прекрасные внутренние качества, но Томми явно более проницательна, чем все вы! (Громкий свист и одобрительные возгласы Бронкса, а Томми поцеловала меня в щеку.)

После этого дня мне пришлось вытерпеть несколько недель дерьма со стороны моих коллег-мужчин. На следующий день Монти загнал меня в угол в мужском туалете и не

отпускал:

— Ты действительно трахаешь ее? Боже мой, должно быть, это хорошая киска. Каково это, Джек? Как ей нравится это делать? — И так далее. — Как ты вообще можешь заставить себя остановиться, когда пора выходить на работу?

— Господи, Монти, — сказал я, — ты на самом деле думаешь, что я буду говорить с тобой об этом? Томми — замечательный человек, и я очень ее люблю, так что это не твое гребаное дело. И уж конечно, я не собираюсь говорить с тобой о нашей личной жизни.

— Неужели она так горяча, как выглядит? Боже, она, должно быть, настоящий фейерверк, Джек, не правда ли?

Ну что за засранец? Он не замедлился ни на минуту, и не имело значения, что я ему говорил. Я получил подобное дерьмо от нескольких моих коллег-мужчин, хотя и им ничего не сказал.

Я могу точно сказать, как долго все было хорошо: семь недель. Они были более чем великолепны, они были фантастическими. Мы с Томми виделись часто, проводя вместе, вероятно, три или четыре ночи в неделю у нее дома или у меня. Большинство выходных мы все время были вместе.

Мы ходили есть, брали напрокат велосипеды и катались, собирались вместе с Эриком и Кэти или с другими друзьями, ходили в кино, сидели и разговаривали. Мы делали все, что обычно делается, когда от кого-то без ума, когда в кого-то влюбляешься. Мы, возможно, даже держались за руки и бегали по полю, словно в замедленной съемке, когда волосы развеваются сзади, но точно я не помню.

У нас также было много секса. Томми не была дикой женщиной; она не кричала: «Трахни меня сильнее этим большим твердым бревном, парень!» или что-нибудь в этом роде. (Да и есть ли женщины, делающие такое дерьмо? Кроме порно, я имею в виду? Может быть, есть несколько, но я никогда не встречал ни одной из них.)

Наши занятия любовью были иногда нежными, иногда энергичными и неистовыми, но всегда в них была сладость. Я думаю, что для нее это было потому, что она — такой человек, а для меня это было прежде всего потому, что я влюбился в нее, я хотел быть с ней милым и осторожным.

Не имело значения, гладил ли я ее голову, трахалась ли мы с ее ногами на моих плечах, или я спускался по ней вниз, используя свой язык и пальцы, чтобы довести ее до безумия — все было здорово. Прикосновение к ней, ощущение ее в своих объятиях, запах ее возбуждения — все было фантастически.

Я всегда любил давать прозвища (кроме Эми, по какой-то причине, и возможно, в этом было какое-то значение), и обнаружил, что называю ее «Тэп» от Томми Энн Паркер. Я бы не стал этого делать, если бы ей это не понравилось, но оказалось, что ей нравится. Иногда я даже превращал его в «Тэппи» или «Тэпстер», но на такое она обычно закатывала глаза.

В день ее рождения я, как и обещал, пригласил ее на жаркое из креветок, омаров и говядины. К нам присоединились Эрик с Кэти, мы выпили две бутылки шампанского, наелись до отвала и поехали домой на такси. Той ночью Томми сделала мне лучший минет из тех, что когда-либо делала мне, и хотя он, возможно, не было лучшим, что я когда-либо получал с технической точки зрения (что бы это ни значило), но был нежным и медленным, и это сводило меня с ума. В хорошем смысле.

После этого я облизывал и сосал ее киску и клитор, пока она не кончила пару раз, крича и

дергая меня за уши. Затем я забрался на нее сверху, и мы трахались как пара пьяных людей, каковыми мы и были. Это было сентиментально, раскованно и фантастически...

Пару раз мы тусовались в моем любимом баре с Руди и Клиффом, двумя приятелями, которых я знал еще со времен колледжа. Я заранее предупредил их, чтобы они отошли от обычного поведения козлов, что Томми — особенная и чувствует себя при этом немного неуютно, но это никак не повлияло.

Как только мы сели, и я представил ее, Клифф сразу сказал:

— Вау! Наш мальчик явно преуспевает. Скажи мне, Томми, сколько этот кобель платит тебе за твоё время? Я удвою ставку!

Томми покраснела, а я сказал:

— Господи, Клифф, заткнись, черт побери! Думаю, ты так давно не видел женщины, что забыл, как с ней разговаривать.

— Извини, Тэп, — сказал я, поворачиваясь к ней. — Эти парни не так уж и плохи, но слегка грубоваты.

— Нет никого грубее, чем ты, Джек! — смеясь, сказал Руди. — Ты помнишь этих цыпочек из «Три Дельта», с которыми мы познакомились в младших классах? Они были...

— Заткнись, Руди! — Теперь покраснел я. Никого из «Три Дельта» никогда не было, но я понятия не имел, знала ли об этом Томми. — Давайте сменим тему, например, поговорим о балете, хорошо? Вы, ребята, видели постановку «Щелкунчика» в этом году? Лично мне показалось, что танец Феи Драже был просто божественным!

К моему огромному облегчению, Томми расслабилась и смеялась вместе с нами. Руди и Клифф исключили самые грубые части своих поддразниваний — хотя так и не прекращали меня подкалывать — и мы весело провели вечер. По дороге домой Томми шутила о том, какие «очаровательные» мои друзья, так что, думаю, все было в порядке.

Итак, как я уже сказал, семь недель. До воскресного дня в начале августа, около двух часов дня. Мы проспали в моей квартире допоздна, занялись любовью, приготовили завтрак, а затем пошли за продуктами. Мы думали, что какое-то время полежим и почитаем газету (я надеялся, что мы «вздремнем»), потом Томми собиралась приготовить мне ужин — она нашла рецепт в «Стар», который хотела попробовать.

Открыв дверь — в наших руках были пакеты с продуктами — мы услышали телефонный звонок. Томми хотела поторопиться и взять трубку, но я сказал:

— Забудь, дорогая... пусть идет на автоответчик. — Я поставил чемоданы и спустился за двумя последними пакетами, стоявшими у входной двери здания. Когда я вернулся, Томми выбежала из моей квартиры со слезами на глазах.

— Тэп, что за?..

— Сволочь! — закричала она, яростно глядя на меня. Она побежала прямо к лестнице и исчезла. Я поставил пакеты на пол и рванул за ней, но когда был у входной двери, она уже уезжала на такси.

Какого черта?! Я вернулся наверх и вошел. Это, должно быть, был телефонный звонок, поэтому я нажал кнопку на автоответчике.

«Привет, детка, это Элисон! Воскресенье, может быть, странное время для вызова сексуальной помощи, но мне хочется провести день, подпрыгивая на чем-то большом и твердом... как ты думаешь, у тебя есть для меня время? Мне бы хотелось принять тебя в себя,

хе-хе. Позвони!»

Дерьмо. Вот дерьмо, дерьмо! Я не разговаривал с Элисон два месяца, с тех пор как мы провели вместе ночь, за неделю до того, как мы с Томми завели серьезные отношения. Я не разговаривал с ней, не скучал по ней и даже не думал о ней. Но Томми не могла этого знать. В тот день и вечером я звонил Томми пять или шесть раз, но она не брала трубку. Итак, после третьего или четвертого звонка я оставил короткое, осторожное сообщение:

«Томми, клянусь, Элисон — просто случайная подруга, с кем я время от времени занимался сексом. Я не видел ее больше двух месяцев — с тех пор как мы с тобой разговаривали о том, чтобы быть единственными друг у друга. Пожалуйста. Я говорю тебе всю правду. Пожалуйста, позвони мне».

Она так и не перезвонила, и мой инстинкт гнал меня в понедельник утром подбежать по коридору к ее столу и объясниться, но я решил этого не делать. В тот день я также пропустил обеденную группу и ел один. Но в тот вечер я позвонил Кэти и имел с ней долгий серьезный разговор. Слава богу, я ей понравился, и почти уверен, что она поверила моей истории.

— Мне очень жаль, что это случилось, Джек. Как ты, наверное, знаешь, Томми в прошлом сильно ранили парни, и иногда она быстро верит в худшее.

— Я знаю это, Кэти, и чувствую себя ужасно, но я правда не сделал ничего плохого. Я люблю Томми. Я еще не сказал ей этого, но главным образом потому, что не хотел на нее давить.

Она вздохнула:

— Дай посмотреть, что я могу сделать, хорошо, Джек? Я постараюсь встретиться с ней за обедом и позвоню тебе, после того как увижусь с ней. Хотя, это может занять у меня несколько дней.

— Спасибо, Кэти, я действительно в долгу перед тобой. Я не хочу ее потерять, и не хочу, чтобы она страдала из-за простого недоразумения.

Во вторник я рискнул пообедать с обычной компанией, но Томми там не было. И в среду она тоже не появилась. Ирэн, должно быть, заметила выражение моего лица — она спросила меня, что происходит, но я лишь покачал головой, и она больше не приставала.

В четверг я опять решил поесть самостоятельно и, выходя из здания, увидел, что Томми идет одна, метрах в пятидесяти передо мной. Я просто решил посмотреть, куда она направляется — я не собирался ее беспокоить, пока с ней не поговорит Кэти.

Я был поражен тем, сколько парней пытались к ней приставать! Было обеденное время, поэтому улицы были переполнены, но в трех кварталах, клянусь, с ней пытались завязать разговор восемь или десять парней. Я не мог видеть, что она говорила или делала, но ей удалось отогнать их... хотя один парень продолжал приставать полтора квартала, пока она не ткнула пальцем ему в лицо и не закричала.

Я видел, как она вошла в маленькое кафе, поэтому пошел и пообедал один, думая о Томми и о том, каково это — постоянно получать такое внимание от мужчин. Господи, неудивительно, что она такая нервная.

В тот вечер после ужина мне позвонила Кэти:

— Ей лучше, Джек. Сегодня мы пообедали в центре города. Она немного успокоилась, и могу сказать, что она по тебе скучает, хотя точно не признается в этом. Она начала плакаться мне о том, что ты такой же, как и все остальные парни, что ее трахали, и я позволила ей продолжать в течение нескольких минут. Затем, когда мы поели, я рассказала ей о нашем с тобой разговоре, и пыталась убедить ее, что это не то, о чем она подумала. Что действительно

помогло, так это то, что она очень доверяет моему мнению, и знает, что ты мне нравишься. В любом случае, если коротко, тебе следует ей позвонить... думаю, она готова лично выслушать твою точку зрения.

— Боже, спасибо, Кэти! Я не знаю, что бы я без тебя делал... это банально, но это правда. Я действительно пытался набраться терпения, но боялся, что она просто откажется от меня. даже не дав мне шанса.

Мы закончили разговор по телефону, и я сразу же позвонил Томми. Когда она ответила, я сказал:

— Привет, Томми, пожалуйста, не вешай трубку! Как ты думаешь, ты могла бы дать мне шанс объяснить это сообщение, прежде чем просто уйдешь из моей жизни?

— Хорошо, Джек, — сказала она грустно и разочарованно. — Кэти убедила меня, что я должна хотя бы поговорить с тобой. Почему бы нам не пообедать где-нибудь завтра?

— Если хочешь, я могу приехать через десять минут, — сказал я, но она лишь вздохнула и сказала:

— Нет, лучше не надо. Я не хочу, чтобы ты был у меня прямо сейчас. Я встречу с тобой на обеде в 12:15, хорошо?

— Можем ли мы вместо этого сходить на ужин? Я не хочу, чтобы нам пришлось прервать наш разговор и возвращаться к работе.

Последовало молчание, затем она неохотно согласилась.

— Спасибо, Томми, я ценю это. Как насчет встречи в закусочной «Акрополис»?

На следующий день я вообще не виделся с Томми и пропустил обеденную группу у Армандо. Когда я добрался до Акрополиса в 17:45, она ждала меня в кабинете, выглядя усталой и несчастной. Я наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, но она отстранилась и покачала головой, поэтому я просто сел на сиденье напротив нее.

— Привет, Джек, — сказала она без особых эмоций. — Давай сначала сделаем заказ, хорошо? После того как мы просмотрели меню и передали заказы официантке, я сказал:

— Я хотел бы сначала поговорить, Томми, ладно?

Она кивнула.

— Но я не в настроении выслушивать ерунду, Джек. Если ты не хочешь говорить со мной откровенно, мы можем просто встать, уйти отсюда и разойтись. — Я увидел, как ее глаза наполнились слезами.

Я потянулся через стол, чтобы взять ее за руки... она попыталась отстраниться, но я делал все осторожно, и она расслабилась, позволив мне держать их.

— Тэп... Томми. Я люблю тебя. Я не говорил этого раньше, потому что не хотел слишком торопиться и напугать тебя, но теперь я делаю это. Я хочу объяснить сообщение Элисон. Я скажу тебе абсолютную, чистую правду, и отвечу на любые твои вопросы. Если после этого ты скажешь мне уйти... Что ж, надеюсь, ты этого не сделаешь! Давай оставим все как есть! — Я улыбнулся ей, и она невольно улыбнулась в ответ.

— До того как мы с тобой начали встречаться, я время от времени встречался с парой женщин, включая Элисон. Со всеми ими у меня были случайные, неэксклюзивные отношения. Мы с Элисон, в основном — «друзья с привилегиями», за исключением того, что мы с ней даже не особо близкие друзья. Мы виделись примерно раз в пару месяцев, когда один из нас был одинок или возбужден.

— Я не видел ее с мая — с ночи после той первой ночи в пятницу, когда ты осталась со мной.

— Лицо Томми напряглось, но она ничего не сказала, и я продолжил. — Я хотел провести с тобой следующий день, помнишь? Но ты испугалась, что все идет слишком быстро, и скрылась. Я был разочарован и немного обижен, поэтому позвонил Элисон, и мы встретились тем вечером. Мы поужинали и вместе легли в постель.

— А когда все закончилось, я скучал по тебе. Это правда... я не чувствовал себя виноватым, потому что мы с тобой не давали друг другу никаких обещаний, но мне все еще хотелось, чтобы я был с тобой, а не с Элисон.

— Клянусь Богом, с той ночи я не разговаривал с ней и ни разу не видел ее. Послание, которое ты услышала, было типичным «вызовом сексуальной помощи», который мы обычно делали, она понятия не имела, что у меня сейчас отношения. Я остановился и сел. Томми пристально смотрела на меня, нахмутив брови, на щеках были слезы. Она сказала:

— Это правда, Джек? Могу ли я тебе доверять?

Я сказал:

— Бог мне свидетель. Клянусь тебе могилой моей матери.

Она еще немного посмотрела на меня, затем встала и подошла к моей стороне кабинета.

— Подвинься, — сказала она дрожащим голосом, а затем обняла меня, прижимаясь и плача, в то время как я говорил: «шшш» и «все в порядке» и чувствовал радость от того, что снова обнимаю ее.

Мы делали это минут около десяти, игнорируя улыбающиеся лица людей вокруг нас, а затем я сказал:

— Как насчет того, чтобы ты села рядом со мной, в то время как мы будем есть? Я не хочу, чтобы ты снова ушла.

Она хихикнула и кивнула. Мы ели бок о бок, счастливо сталкиваясь бедрами, локтями и плечами, разговаривая о том, что произошло, и как мы скучали друг по другу, и как глупо было позволить подобному недоразумению сделать нас обоих такими несчастными.

Когда подошло время десерта, Томми сказала, что она наелась, но я настоял на том, чтобы заказать два куска большого торта с липким шоколадом, вроде того, который я принес ей на наш первый ужин.

— А теперь сядь напротив меня, дорогая, потому что я хочу тебе кое-что сказать.

Она выглядела встревоженной, и я сказал:

— Клянусь, просто мелочи!

Я взял ее руки в свои и сказал:

— Я обещаю, что никогда не буду лгать тебе, но однажды я сказал тебе небольшую выдумку, и хочу избавиться от нее.

С грустным взглядом я сказал:

— На самом деле моя тетя не присылала мне эти билеты в оркестр. Я купил их, потому что надеялся, что ты пойдешь со мной.

Томми улыбнулась и сказала:

— Это ужасно, Джек! Какой ты злой человек. Твое наказание — оплатить счет.

— Я и так собирался это сделать... как насчет того, чтобы в качестве наказания я в ближайшие выходные отвез тебя куда-нибудь в по-настоящему дорогое место на ужин?

Она согласилась, и я продолжил:

— Это была моя первая и единственная ложь тебе. Но у меня есть еще кое-что, что я тебе

скажу. Наша встреча в Минестре, когда Ирэн тебе все показывала в тот первый день, — это не первый раз, когда я видел тебя.

— Правда? Я не помню другого раза.

— Это было здесь же, в Акрополе. Вот почему я хотел вернуться сюда с тобой сегодня вечером.

Я рассказал ей всю историю о том, что был ею сильно впечатлен, и о разговоре между ней и Кэти, который я подслушал.

— Я слышал, как ты говоришь о том, насколько паршиво, когда с тобой обращаются как с сексуальным объектом, и как плохо вели себя мужчины в твоей жизни, а потом, увидев тебя, я был потрясен... правда. Я хотел тебя, и мне было за себя стыдно.

— После того дня я поклялся себе, что никогда не стану тем мудаком, который относился бы к женщинам так, как относились к тебе. И когда мы встретились в Минестре, я сделал все что мог, чтобы показать тебе, что я — порядочный, честный парень... не просто гончая, полная решимости уложить тебя в постель.

— Я не знал, будем ли мы когда-нибудь встречаться или даже будем ли друзьями, но по крайней мере, я мог вести себя как приятный, уважительный и добрый коллега.

Она улыбнулась мне:

— Вот почему ты так долго меня не приглашал? И почему ты придумал эту нелепую историю про свою тётю?

— Довольно неубедительно, не правда ли? Но да, безусловно. Я хотел, чтобы ты сначала узнала меня как друга, чтобы имела представление о том, чего я стою. И я надеялся, что совместный концерт будет немного менее похож на свидание, немного меньше на то, как если бы к тебе приставал очередной парень.

Томми прижала одну из моих рук к своим губам и поцеловала.

— Что ж, похоже, это сработало, детка. Я никогда не понимала, какой ты притворщик, пока не стало слишком поздно, а теперь я влюблена в тебя, так что, думаю, я пропала.

— Ну, это было... подожди минутку. Влюблена в меня?

Она молча кивнула с притворно-торжественным выражением лица. Я подождал минуту, а затем сказал:

— Думаю, нам надо взять счет и убираться отсюда к черту!

Мы лежали в моей постели, Томми свернулась клубочком возле меня, а я задавался вопросом, можно ли быть счастливее. Мы прибежали из Акрополиса ко мне домой и прыгнули в кровать, срывая с себя одежду так быстро, как только могли, и трахались как пара подростков, оставшихся наедине в доме родителей в первый раз — быстро и в ярости, отчаянно желая друг друга.

А потом мы отдыхали, прижимаясь друг к другу и целуясь, и снова занимались любовью медленно, с шепотом, со вздохами и обещаниями. Сегодня вечером мы впервые сказали друг другу: «Я тебя люблю», и это многое значило для нас обоих.

— Эй, — тихо сказала она, — ты спишь?

— Снхррр, — ответил я, притворившись храпящим, и она ткнула меня. — Я серьезно, Джек. Мне нужно с тобой поговорить, но если хочешь, можно подождать до утра.

— Нет, я уже проснулся. — Я освободился от Томми и сел у изголовья, положив подушку за собой. — Звучит серьезно.

— Это правда. Не то чтобы плохо серьезно. Но это просто... тебе нужно кое-что узнать о моем прошлом. Думаю, ты уже знаешь кое-что из того разговора между мной и Кэти. Но мне требуется рассказать тебе остальное. И тогда, я думаю, ты поймешь, почему я так сходила с ума, когда услышала сообщение на твоём автоответчике.

Я поцеловал ее в лоб.

— Я выслушаю все что ты хочешь мне сказать, но ты не обязана этого делать, если сама не захочешь. Я уже знаю, что ты чертовски сексуальна, и что мужчины плохо с тобой обращались... я так понимаю — что-то вроде этого?

— Да. Я думаю, что кое-что из этого ты можешь себе представить, но хочу, чтобы ты знал обо всем. Сегодня вечером, если не против. Потому что я серьезно отношусь к тебе, и... и я хочу, чтобы ты знал, вот и все.

Кое-что из того, что она мне рассказала, я мог предсказать. К тринадцати годам Томми выглядела уже более сексуально, чем ее шестнадцатилетняя сестра Алиса, и она понятия не имела, как справляться с мужским вниманием. Что еще хуже, так это то, что Алиса ревновала к ней и ни капельки не защищала ее и не помогала.

— И мои родители ничего не знали — я не могла им ничего рассказать о том, что происходит. Я была в значительной степени одинока.

Как и любая девочка-подросток, она отчаянно пыталась приспособиться, и была польщена мужским вниманием.

Как и ожидалось, это привело к тому, что ей воспользовались несколько членов школьной футбольной команды. Но то, что произошло после, было, возможно, менее предсказуемым и более разрушительным.

— В старших классах меня соблазнил отец моей подруги Риты. Он был высоким и красивым, и все мы были в него немного влюблены. Он всегда был дружелюбен со всеми подругами Риты, а ее дом был нашим основным местом тусовки, у нас были вечеринки с пиццей и, время от времени, ночевки.

— Как бы то ни было, во время одной из этих ночевок он сидел и пил пиво с нами, девочками, нас было около пяти. Мама Риты уехала к бабушке.

— И мы все, в конце концов, заснули, а посреди ночи пришел отец Риты и разбудил меня, сказав, что ему нужно со мной поговорить. Так что, мы вернулись в его спальню — я была довольно сонной и все еще немного пьяной — а он сел рядом со мной на кровать, обнял и сказал, какая я особенная. Не только красивая, знаешь ли, но умная и чувствительная. Я была единственным человеком, который понимал его, — сказал он. — Его жена была так сосредоточена на своей работе, что почти не обращала на него внимания.

Томми посмотрела на меня.

— Я знаю, что все это обычная чушь, Джек, но тогда мне было восемнадцать, и я никогда не слышала такого раньше, а это был красивый пожилой мужчина, в которого я была влюблена. В любом случае, он начал меня трогать и целовать, и мы какое-то время целовались, и я была в раю, и довольно скоро он поднял мою ночнушку до плеч и скинул свои боксеры, и чертовски трахнул меня. — Мне не было больно, потому что моя девственность давно испарилась, а он был взрослым мужчиной и знал, что делал, поэтому секс был прекрасным. Мы занимались любовью часами — думаю, я должна сказать «трахались», но я думала, что мы занимаемся любовью. И рано утром я прокралась обратно в комнату, в которой были девушки.

— После этого мы начали встречаться каждый раз, когда могли, около четырех месяцев. Я думала, что влюблена. Артур как бы намекнул, что хочет быть со мной, и, может быть, он разведется, понимаешь? Он никогда ничего не обещал, но для меня было более чем достаточно одной лишь подсказки. Я была такой идиоткой! Слава богу, ему сделали вазэктомию, потому что я даже и не думала о предохранении.

— Конечно, мы держали все в полном секрете, не только от его жены, но и от Риты. Мы встречались в мотелях, а иногда и в его доме, когда Рита с мамой были в гостях у коллег. Он любил быть «секс-гидом» для молодой, неопытной женщины. Мы трахались в разных позах, он научил меня всему в оральном сексе, и несколько раз мы занимались аналом, потому что ему это нравилось, хотя мне нет.

— А потом однажды я зашла туда после школы, чтобы поделаться уроки с Ритой, и когда позвонила в звонок, к двери подошла ее мама, я яростью посмотрела на меня и ударила по лицу. Она назвала меня ебаной шлюхой и сказала никогда туда не приходите.

— На следующий день в школе Рита не стала со мной разговаривать... и, что еще хуже, она рассказала всем, кого мы знали, что я была шлюхой с ее отцом. Она, конечно, была в отчаянии, но вывалила все на меня, вместо своего отца. Я слышала, что ее мама выгнала его из дома, примерно через год они развелись.

— На этот раз даже мои родители слышали об этом, потому что мама Риты звонила и кричала на них. Они были на меня в ярости. Я пытался объяснить, что Артур соблазнил меня... я думаю, моя мама вроде бы поняла, но отец был так зол, что месяц не разговаривал со мной.

— И, конечно же, остаток моего последнего года в школе был настоящим кошмаром. Дети сделали мою жизнь несчастной, и даже некоторые учителя-мужчины считали меня честной добычей. Некоторые из них делали мне предложения, и не оставляли меня наедине, пока я не начала угрожать все рассказать директору.

Томми с сухими глазами и спокойствием рассказывала мне эту ужасную историю. Полагаю, она давно уже все выплакала по этому поводу. Я прижал ее к себе и сказал:

— Мне очень жаль, детка. Это звучит ужасно.

Она улыбнулась и сказала:

— Да уж, это было не так-то и здорово. Ты услышал большую часть этого, остальное я могу рассказать довольно быстро.

— Есть еще что-то?

— О, да — колледж.

Она молча сидела с минуту, прежде чем продолжить.

— Ты помнишь, что я перевелась, верно? Я проучилась полтора года в Болл Стейт, а потом закончила в университете Индианы?

Я кивнул.

— Что ж, для этого была причина. В Болл Стейт были несколько профессоров, которые хотели со мной переспать... они пробовали обычные методы соблазнения, но после Артура у меня не было проблем с их чужью.

— Но был еще один профессор бухгалтерского учета, который на втором курсе пытался меня шантажировать. Он поставил мне две тройки и двойку за наши первые три набора задач, а когда я пошла в его приемные часы, чтобы поговорить с ним, он прямо сказал, что я «заставила подняться его член», и он хочет со мной переспать. И сказал, что если я с ним не

трахнусь, он провалит меня на курсе, и я потеряю стипендию.

— Господи, — сказал я. — Я знаю, что такое происходит, но... блядь.

— Да... блядь. В любом случае, к этому времени я была немного умнее. Я сказала ему, что должна подумать, и что вернусь на следующей неделе в это же время. Когда я вернулась, у меня был магнитофон, спрятанный в сумочке, и две подружки, стоящие прямо у его двери, которую я оставило приоткрытой.

— Я заставила его опять поговорить об этом, чтобы он сказал, что шантажирует меня сексом, а затем обвинила его. Я пошла к декану факультета со своей записью и с подругами, чтобы поддержали меня, и его уволили в течение недели.

— Молодец... этот подонок.

— Да, но там все еще был большой беспорядок. Мое имя пытались не упоминать, но слухи быстро распространились, и в студенческой газете была опубликована большая статья с моим именем и фотографией. Так что, было довольно очевидно, что мне нужно оттуда убираться к черту. Мои оценки были достаточно хорошими для перевода, поэтому в следующем семестре я подала заявление в Индиану и ушла.

Она поцеловала меня и сказала:

— Почти все... мы почти подошли к концу печального рассказа, Томми.

— Я мог бы слушать тебя вечно, дорогая. Мне очень жаль, что тебе пришлось все это пережить.

— К тому времени, когда я устроилась в университет Индианы, я подумала, что все уже видела. Я была настолько насторожена и подозрительна, насколько это вообще возможно. Парни все еще приставали ко мне, но я просто отталкивала их. За первые два года, когда я была там, у меня было, вероятно, не более пяти свиданий. Если мне казалось, что парень просто хочет залезть ко мне в трусы... если я получала хоть небольшой намек на это... он становился историей.

— Я никогда не выходила одна, всегда с подругами. Однажды я была на вечеринке со своей подругой Моникой, и она меня спасла. Какой-то парень подсыпал что-то в мое пиво, рогипнол или что-то в этом роде. Она танцевала с кем-то, но внезапно огляделась и увидела, как двое парней как бы ведут меня к двери, выглядящую полусонной. Она очень громко закричала и побежала ко мне, а эти засранцы просто уронили меня и вылетели оттуда. Слава Богу, что она была там! С тех пор я очень осторожно осматриваю свой напиток каждый раз, когда нахожусь в общественном месте.

Я только покачал головой. Кто будет подсовывать наркотики женщине, а затем заниматься с ней сексом, пока она находится без сознания? Что за отморозком надо быть, чтобы думать, что это нормально?

— Но даже при всей этой осторожности я обожглась еще раз. В старших классах был аспирант по химии, Рик. Меня познакомила с ним в Студенческом центре моя соседка по комнате — он был ее ассистентом, и она думала, что он — фантастический парень. Мы встречались пару месяцев, и он совсем не подталкивал меня к сексу, постоянно твердил: «Когда будешь готова, дорогая».

— Так что, я, наконец, ослабила бдительность, и мы начали трахаться. А это было все, чего он хотел делать днем и ночью; я с трудом смогла закончить учебу. У него была квартира за пределами кампуса, и в основном я жила там.

— А примерно через два месяца непрерывного минета и секса он просто бросил меня. Он

разбил мне сердце, сказав, что «это было весело», но он не думает, что мы созданы друг для друга. Две недели спустя я увидела его в пабе кампуса, разводящего амуры с другой, брюнеткой с большими сиськами.

Я снова нежно притянул ее к себе и тихо утешал, просто обнимая.

— Думаю, ничего особенного в этой последней истории нет, — сказала она. — Просто еще один парень-засранец... такое происходит каждый день. Но со мной такое случилось много раз...

— Со времен колледжа я много встречалась, у меня было несколько «бойфрендов», но никого серьезного. Многие мужчины просто бросали меня, когда я не хотела трахаться с ними после двух или трех свиданий. Мне двадцать семь лет, и до тебя у меня было всего два настоящих романа — Рик и еще один придурок по имени Скотт около года назад.

— О нем я знаю, — сказал я. — Ты рассказывала о нем в закусочной Кэти.

— Быть сексуальной — это такое ПРОКЛЯТИЕ! — вспыхнула она. — Я смотрю на себя в зеркало и вижу, что я привлекательная, знаешь, довольно симпатичная. Но я — не супермодель, я — не Анджелина Джоли. Какого черта мужчины не оставляют меня в покое? Почему они думают, что можно подойти ко